ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 4 | 2026. Volume 19. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Технология категоризации в конструировании идентичности на примере украиноязычных переселенцев Южно-Уссурийского округа в 1882-1909 годах

Добрицкий А. П.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении результатов применения категоризации как дискурсивной практики в контексте конструирования групповой идентичности малороссийских (украиноязычных) переселенцев Южно-Уссурийского округа в 1882-1909 гг. В статье рассмотрена эволюция системы классификации населения в административной документации и трудах исследователей края, прослежено зарождение и наполнение категории «малороссы» и проанализированы попытки переозначивания этого административного ярлыка в национальную украинскую идентичность в среде местной интеллигенции после 1905 г. Научная новизна работы заключается в применении конструктивистской методологии (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум) и постколониальной оптики к дальневосточному материалу, что позволило показать амбивалентный характер категоризации: малороссы одновременно входили в титульную группу «русские» и маркировались как лингвистически и культурно «другие». В результате установлено, что технология категоризации, порождённая логикой колониального управления, создавала структурную предпосылку для проникновения идеи украинского национального проекта на Дальний Восток, однако комплекс факторов (отсутствие языковой дискриминации, наличие более близкого «другого» в лице китайцев и корейцев, неграмотность крестьян, административные запреты) препятствовал укоренению этой идентичности в среде большинства переселенцев.

EN

The technology of categorization in identity construction: a case study of Ukrainian-speaking settlers in the South Ussuri district in 1882-1909

A. P. Dobritskiy

Abstract. The aim of the study is to identify the results of the application of categorization as a discursive practice in the context of constructing the group identity of the Little Russian (Ukrainian-speaking) immigrants of the South Ussuri district in 1882-1909. The article examines the evolution of the population classification system in the administrative documentation and the works of researchers of the South-Ussuri Territory, traces the origin and content of the category “Little Russians”, and analyzes attempts to reinterpret this administrative label into a national Ukrainian identity among the local intelligentsia after 1905. The scientific novelty of the work lies in the application of constructivist methodology (B. Anderson, E. Hobsbawm) and postcolonial optics to the Russian Far Eastern material, which allowed us to show the ambivalent nature of categorization: Little Russians were simultaneously included in the titular group “Russians” and labeled as linguistically and culturally “other”. As a result, it was found that the categorization technology generated by the logic of colonial management created the structural prerequisites for the emergence of the Ukrainian national project in the Far East, however, a complex of factors (the absence of linguistic discrimination, the presence of a more obvious “other” in the person of Chinese and Koreans, the illiteracy of peasants, administrative prohibitions) prevented this identity from taking root among the majority of settlers.

Введение

Актуальность настоящего исследования состоит в острой проблеме формирования национальных, этнических и региональных идентичностей на окраинах России в начале XX века, используемых для оправдания межнациональных конфликтов и объяснения культурных противоречий, а также в потребности в переосмыслении

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260260

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

колонизационных процессов на Дальнем Востоке с позиций конструктивизма. Изучение технологии категоризации населения позволяет увидеть в них активные дискурсивные практики колониальных властей по конституированию социальной реальности, демонстрируя механизмы превращения массы различных переселенцев в «воображаемые сообщества» и возникновения явления «изобретения традиций» для новых групповых идентичностей.

Для достижения цели исследования выполнены следующие задачи:

– реконструирована динамика системы административных классификаций населения Южно-Уссурийского округа по материалам официальной документации и исследований;
– определены условия применения категории «малороссы» к переселенцам;
– выявлено содержание и оценочные коннотации, которыми наделялась данная категория;
– рассмотрены попытки переозначить административный ярлык «малоросс» в национальную украинскую идентичность и факторы, приведшие к неудаче этих действий в рамках выделенного периода.

Методология работы сочетает дискурс-анализ и историко-генетический метод исследования. Если первый позволяет вскрыть двойственный характер самой категории «малоросс» для официального дискурса при колонизации через её применение и противопоставление близким «другим», а также использование смысловых оппозиций непосредственно к осваиваемой территории, то второй метод раскрывает обстоятельство и конкретное наполнение, в том числе и попытку его трансформации и замены на украинскую идентичность.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные (Из истории заселения Черниговского района…, 2005, с. 58) и неопубликованные (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 4; ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 5) делопроизводственные материалы. Кроме того, привлекаются материалы периодической печати (Приморский хозяин…, 1913, с. 23), статистики (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 80), прошения крестьян (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 7) и труды современников, занимающих государственные должности (Кауфман, 2011, с. 106).

Теоретической базой исследования выступают концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона (2001, с. 223) и «изобретения традиции» Э. Хобсбаума (2000), а также постколониальный подход «критических дискурсивных исследований» Т. ван Дейка (2013, с. 31). Категоризация рассматривается как дискурсивная технология, что формулирует модели сравнения «своих» с «другими» через названия групп и наполнение их нужными характеристиками; а также вписывает колонизируемое пространство в смысловую оппозицию «метрополия» – «колония» при осуществлении переселения, что позволяет подсветить трансформацию идентичности переселенцев и динамику освоения региона для официального дискурса (власти) и других акторов конструирования.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования её вывода, что такая категория, как «малоросс», функционировала преимущественно как внешний классификационный ярлык, отделяющий их от великороссов в интересах логики колониального управления, тем самым задавая для местной интеллектуальной прослойки возможность для разработки отдельного национального (украинского) проекта и движения в этом регионе, несмотря на отсутствие причин и интереса непосредственно основной массы переселенцев с малороссийских губерний. Данный вывод можно применять в сравнительно-исторических работах по истории украинской диаспоры в разных регионах мира как специфическое условие её существования на территории юга Приморского края.

Обсуждение и результаты

В 1860 году Пекинский трактат закрепил за Российской империей территории южнее Амура и к востоку от реки Уссури (Голубь, 2015, с. 13). К 1880 году южные части этих земель были объединены в Южно-Уссурийский округ, где к 1883 году была развёрнута крестьянская колонизация, в которой участвовали как переселенцы из европейских центральных губерний (в основном из Черниговской, Полтавской и других, относящихся к Малороссии) (Буссе, 1896, с. 93), так и китайские и корейские земледельцы из сопредельных территорий.

В оптике имперской администрации Дальний Восток в целом и территория Южно-Уссурийского округа в частности представали как “terra nullius” («пустое место»), которое следовало заполнить населением «славянской расы» (Унтербергер, 2011, с. 74) и хозяйственно освоить, чтобы необратимо закрепить его за Россией. Однако вместе с тем отмеченная выше параллельная колонизация помещала носителей разных языков, хозяйственных укладов и культур в одно общее пространство. Неизбежно их идентичности и традиции сталкивались, переопределялись и вынуждали бюрократию их упорядочивать и фиксировать.

Такое столкновение создавало необходимость в технологии категоризации. Категоризация – практика, с помощью которой официальный дискурс государства трансформирует массу переселенцев в управляемые и исчислимые сообщества для оценки ситуации в регионе и планирования дальнейших действий в ходе колонизации. Территориальные рамки исследования охватывают Южно-Уссурийский округ (с 1903 г. – уезд) в его границах. Нижний порог временных рамок обусловлен началом приготовлений к отправке первых крестьян-колонистов морским путем, верхний порог, в свою очередь, определён преобразованием Южно-Уссурийского уезда в Никольско-Уссурийский уезд и выделением из него Иманского и Ольгинского уездов.

Заселение новых территорий происходило в три основных этапа: с 1861 по 1883 год – сухопутным путём, с 1883 по 1891 год – морским путём с помощью судов «Доброфлота», а в 1891 году начинается реализация проекта Транссибирской железной дороги, открывающая новый этап интенсивного заселения территории. Именно на второй и третий этапы пришёлся основной поток переселенцев из европейских губерний России и ускоренное освоение ими края. Так, официальная численность населения на территориях Южно-Уссурийского

округа выросла с 37 966 человек в 1882 году (РГИА ДВ, ф. 87,оп. 1, д. 99, л. 93 об.) до 312 313 человек в 1914 году (Обзор Приморской области…, 1916, с. 109). В 1882-1891 гг. численность этнических украинцев, переселившихся на юг Дальнего Востока, значительно возросла. Их доля в общей массе мигрантов, с учётом граждан иных национальностей, оказавшихся среди переселенцев из украинских губерний, возросла до 89,2% (Аргудяева, 1997, с. 28-29).

Причинами такого активного освоения именно в эти годы стали соображения безопасности: как отмечал Военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер (2011, с. 75), весомую роль в ускорении темпов заселения Дальнего Востока вообще и Южно-Уссурийского края в частности сыграл Кульджинский кризис между Российской и Цинской империями. Его эскалация продемонстрировала уязвимость малонаселённых территорий, в связи с чем Санкт-Петербург начал уделять особое внимание укреплению собственного пограничья. Организация заселения рассматриваемых территорий была передана Министерству внутренних дел, сделавшему выбор основного контингента в пользу выходцев из Черниговской и Полтавской губерний: с этих территорий было самое большое число прошений о переселении (Буссе, 1896, с. 94), местные крестьяне имели средства для своекошного (т. е. за собственный счёт) переселения (Унтербергер, 2011, с. 82).

Вначале требуется реконструировать систему классификации населения и её изменения в Южно-Уссурийском округе.

При разработке планов переселения на новоприсоединённые территории в 1881 году поднимался вопрос контингента переселенцев: наилучшим переселенческим элементом считались великорусы, «предприимчивые по природе, и при том заключающие в своей среде значительный процент представителей кустарной промышленности, а также хуторяне из бывших малороссийских казаков, привыкшие жить отдельными усадьбами» (Заколодная, 2016, с. 197).

В отчёте Военного губернатора Приморской области за 1882 год в отношении Южно-Уссурийского округа употреблялась уже обобщающая категория «русских», относившихся к оседлому населению российского подданства, а также передвижные группы «манзовского и корейского населения». При этом автор сам отмечает неточность предоставляемых в статистике данных в силу невозможности в его положении произвести учёт наличного населения по факту (РГИА ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 93 об.). Территориальная оппозиция при этом выстроена категориями «Россия» – «Окраина» (РГИА ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 74), подчёркивающими неосвоенность и отчуждённость территории от метрополии.

В документах Переселенческого управления за 1888-1909 годы прибывающее и осваивающее новые территории население обозначалось по сословной принадлежности (крестьяне, казаки, поморы) (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 4, 78, 82) и по губернии своего выхода (Черниговская, Полтавская, Астраханская и т. д.) (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 11, 79). Отмечается особая зависимость населения при расселении по территориям округа от наличия или отсутствия православных храмов (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 75). Отдельно используются и упоминаются категории своих как «русские» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 76; ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 11), единичное упоминание «белые» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 76; ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 11), а также других, основанных на понятии народности («корейцы») (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 76; ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 5, 11) и национальности («китайцы») (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 11) или расы («жёлтый элемент», «желтолицые») (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 11). Отношения между ними при этом разные: корейцы становятся для официального дискурса объектом «обрусения» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 76), но китайцы – нет, так как первые принимают русское подданство и оседают на этих территориях, а вторые ведут иной образ жизни, связанный с заработком на этой территории (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 19). Наиболее заметным становится упрочнение категории «Южно-Уссурийский край» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 102), ставшей синонимичной категории «Южно-Уссурийский округ» и основной в употреблении, находясь в оппозиции «России», «Европейской России», «родине» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 63, 65, 66, 101).

В обзоре Приморской области за 1895 год классификация основных групп представляется более разветвлённо: кроме категории «русские» присутствует категория «инородцы русского подданства», «европейские иностранцы», а также отдельно «китайцы», «японцы», «корейцы» (РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1445, л. 3). Из числа населения и номенклатуры категорий можно сделать вывод, что основаниями для категоризации групп была их численность, а не правовой статус или подданство, последнее же включалось для обобщения немногочисленных и даже единичных категорий.

Отдельно стоит упомянуть классификацию в виденье Военного губернатора Приморской области П. Ф. Унтербергера (1900), являющегося также исследователем темы переселения и освоения края. Так, он отмечал одной из причин колонизации необходимость сформировать оплот «славянской расы» против экспансии «жёлтой расы» (Унтербергер, 1900, с. 74), и на протяжении всей приводимой его работы он использовал смысловую оппозицию категорий «русские» – «китайцы», подкрепляя логику заполнения «пустого пространства» и обеспечения безопасности.

Особый интерес в рамках изучаемой темы представляет документ за авторством Ф. Ф. Буссе, с 1882 г. являющегося заведующим переселением в Южно-Уссурийском крае. Так, в «Сведеньях о населённых пунктах за 1893 год» о территориях современного Хорольского района категория народности селений определяется не как русская, а как «малоросская» или вовсе не указывается (Из истории заселения Хорольского района…, 2014, с. 1-2).

Наиболее репрезентабельными классификациями традиционно считаются переписи населения, обычно напрямую конструирующие воображаемые сообщества через категоризацию в них. Так, в переписи 1897 года

в Приморской области упоминается в сопровождении этнографическое деление населения на следующие группы: русские, инородцы Сибири, культурные народы Монгольского племени, русские подданные и иностранцы (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 16). Население также делилось на русских подданных и иностранных подданных (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 28), русские подданные же делились на народности (национальности) по языковому принципу (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 12), пока иностранцы распределялись по наличествующему подданству другого государства (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 10). Малороссы, великорусы и белорусы говорят на разных языках и потому обозначаются отдельно, но в комментариях и таблицах входят в общую титульную группу «русское население» или «русские языки» (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 16, 62, 70, 80). Но если других народностей нет, то великорусы конкретизируются после категории русские (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 78). Категория инородцев в свою очередь выносится отдельно и обобщает различные по языковым семьям группы туземного населения (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 17), пока остальные народности Российской империи, присутствующие в крае, определяются как «русские подданые». В то же время отдельно китайцы и корейцы обобщаются под категорией «жёлтой расы» (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 19).

Таким образом, проследив развитие классификации населения и территории Южно-Уссурийского округа, можно отметить, что категоризация переселенческого населения не была единой и стабильной процедурой, представляя собой скорее динамичную и противоречивую дискурсивную технологию. В ней можно выделить три разнонаправленных вектора:

1) сословный (крестьяне, казаки);

2) территориальный (по губерниям выхода: черниговские, полтавские), фиксирующий также земляческую солидарность, но неудобный для генерализации;

3) этнолингвистический («русские», «малороссы», «подданные инородцы», «китайцы»), перекликающийся с расовым («славяне», «белые», «жёлтые», «желтолицые»).

Ключевой момент заключается в том, что официальный дискурс, придерживаясь единства «русского населения» и помещая малороссов внутрь этой титульной группы, одновременно через языковой принцип классификации маркировал их как отличимых. Именно эта амбивалентность категоризации (формально «свои», но по языку «другие») создаёт пространство для дальнейшей разработки категории, потребность в объяснении инаковости и появления такой категории, а также реакции на эту категоризацию.

Категория «малоросс» в вопросах освоения Дальнего Востока вообще и Южно-Уссурийского края в частности не упоминалась в 1893 году в рамках трудов III Хабаровского съезда местных деятелей Амурской и Приморской областей. Однако на нём поднималась проблема хозяйственной неэффективности «русского населения» по сравнению с китайскими и корейскими переселенцами, обусловленная в основном неверными технологиями вспашки со стороны крестьян и хищнической эксплуатацией земли общиной (Труды III Хабаровского съезда, 1893, с. 23, 85).

Но исследователь Ф. Ф. Буссе (1896), участвовавший в съезде, в связи со своими изыскательскими интересами и непосредственной должностью, не мог обойти эту категорию. Поэтому на стыке соображений управления колонизацией и исследования он начинает применять её для непосредственного делопроизводства, при этом содержание её отличалось от задаваемого изначально. В упомянутой выше таблице за 1893 год видно, что категория «малоросское» применялась в отношении только трёх из четырёх селений на территории современного Хорольского района. Четвёртое селение Девица было в таблице лишено категории народности (Из истории заселения Хорольского района…, 2014, с. 2). Такое решение объясняется самим Буссе, что из-за отсутствия статистических данных он при подсчётах состава населения руководствовался местом выхода переселенцев: все из них были из Черниговской губернии, в южных уездах которой говорили на исключительно малоросском, в то время как Зражевский, Могилёвский, Новозыбковский, Стародубский и Новгород-Северский уезды были отнесены к смешанным и потому исключались при подсчёте малоросского населения (Буссе, 1896, с. 96). То есть непосредственно этнический компонент при категоризации переселенцев был неявным, в то время как территории в силу административного и исследовательского подсчёта попросту обобщались.

Только государственный запрос при проведении Всероссийской переписи создаёт потребность в подсвечивании этой группы малороссов в официальном дискурсе и на территории Южно-Уссурийского округа, оперируя непосредственно признаком родного языка.

Вместе с тем перепись также продемонстрировала серьёзную диспропорцию темпов заселения Приморской области: за период 1880-1897 гг. «жёлтая раса» выросла на 400-500%, в то время как число русских – только на 234% (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 19). В сочетании с высокими ценами и явлением «жёлтого труда», приводившего к оттоку средств с территории за рубеж, для официального дискурса освоение и ускорение колонизации становилось теперь вопросом не только политической безопасности, но и защиты экономики.

Начинается работа по привлечению населения в Уссурийский край – историческую территорию русско-китайского пограничья, в зону которого входит и рассматриваемый Южно-Уссурийский округ. В 1899 году издаётся книга «Правда об Уссурийском крае и его обитателях» под редакцией Н. А. Крюкова – агронома при Приамурском генерал-губернаторе в 1890-1897 гг. Сама книга написана в просторечном и свободном стиле, доступном широкой публике («…стали принадлежать Русскому Царству»; «об Уссурийском крае… пошли непонятные толки») (Хмелёв, 2011, с. 1, 2). Она интересна категорией «выходцы из черноземных губерний» в отношении переселенцев и выстраиванием смысловой оппозиции «Россия» (метрополия) – «Украина» (место выхода) – «Уссурийский край» (колония) (Хмелёв, 2011, с. 84, 85).

В 1901 году были подготовлены и опубликованы материалы члена Учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфмана о колонизационной вместимости Приамурского края, где были подтверждены оценки III Хабаровского съезда по Южно-Уссурийскому округу и дана рекомендация изменить контингент переселенцев с «малороссов», иначе в вопросе дальнейшей колонизации он «останется пессимистом» (Кауфман, 2011, с. 106). Дело в том, что категория малороссов наделялась им уже не просто хозяйственным консерватизмом, но и культурной неадаптивностью малороссов в связи с предубеждениями по отношению к новым и более эффективным способами вспашки земли у китайцев и корейцев («им помогает нечистая сила») и сакрализации собственного уклада и мест прежнего расселения (Кауфман, 2011, с. 280). Эти факторы делали невозможным интенсивное освоение края.

Здесь следует зафиксировать, что в употреблении переселенческого управления и связанных с ним лиц как на подготовительном, так и рефлексивных стадиях морского этапа заселения края категории переселенческого населения (как «малороссы», так и «великорусы») рассматривались с точки зрения эффективности освоения, им предписывались те или иные преимущества и недостатки освоения территории в противовес «другим», однако реальное различие между группами в действительности, как показал Буссе, было мнимым и касалось места выхода и удобства переселения.

Параллельно категория «малороссов» насыщалась культурными коннотациями и в других дискурсах. Из отчета благочинного VI округа церквей Владивостокской епархии А. Зимина о состоянии церквей (на территории современного Черногорского района) за 1900 год категория «малороссов» также уточняется и дополняется характеристиками «преданности вере», «почтительности», отмечается их щедрость: «Все труды своих батюшек оплачивают хорошо: деньгами и натурой, вроде свиного сала, хлеба и куриц»; также отмечается пьянство и наличие неодобряемых церковью практик, в частности проводимые через огонь брачные поезда и лечение у знахарок (Из истории заселения Черниговского района…, 2005, с. 58). Тем самым происходит сохранения их религиозности и подкрепление их переселенческой идентичности.

Быстрый рост числа новосёлов из центральных губерний приводил к социальному напряжению в регионе, а частичная либерализация после революционных событий 1905-1907 годов позволила и на территории Южно-Уссурийского округа начать распространять идеи национальной идентичности в среде интеллигенции. Так, в отчётных документах Восточного Института за 1908 год фиксируется создание в 1907 году общества студентов «Украинская громада» (группой студентов в лице К. Андрущенко, Б. Воблыя, Ф. Даниленко, Т. фон Виккена, П. Гладкого), занимающегося постановкой «малоросских спектаклей» (Черномаз, 1999, с. 45). Это первая организованная попытка перейти к конструированию отдельной идентичности, что не могло не восприниматься официальным дискурсом как посягательство на собственную целостную аудиторию (Дейк, 2013, с. 93) а значит, угроза, в связи с чем общество уже в 1909 будет запрещено и распущено.

После роспуска студенческой «Громады» при Народном доме образовался полулегальный украинский кружок, главной задачей которого было содействие национальному просвещению посредством устройства украинских спектаклей, распространения украинской литературы, для чего в Никольске-Уссурийском по инициативе В. Ткалича был создан специальный книжный склад (Черномаз, 1999, с. 45).

Эта же украинская общественность ежегодно начиная с 1909 г. отмечала годовщины рождения и смерти Т. Г. Шевченко, устраивая так называемые «Шевченківські свята», в ходе которых осуществлялся сбор средств на сооружение памятника Т. Шевченко в Киеве и издание Евангелия на украинском языке (Черномаз, 1999, с. 45). Всё это показывает попытку выстроить обособленное информационное и символическое пространства. Изобретение праздничного календаря как элемента интеграционной традиции, задающей и ощущение общего для группы времени, и выделяющей ритуально эту группу от других, является наглядным примером именно конструирования национальной идентичности (Хобсбаум, 2000, с. 49-50; Андерсон, 2001, с. 209)

Однако эти организации и мероприятия интеллектуалов оказывались отсечены от массы крестьян, ведь большая часть из землепашцев не была вовлечена в конструирование из-за отсутствия массового образования, попытки же перейти в 1910 году к просветительской деятельности в Никольск-Уссурийске через организацию «Просвіта» были пресечены запретом организации (Черномаз, 1999, с. 45). Фактически сложилась ситуация невозможности разворачивания широкой культурно-просветительской деятельности в этом направлении из-за противодействия государства. Потому в прошениях и челобитных крестьяне продолжали пользоваться сословной идентичностью и определять своё место выхода как «Россия» (ГАПК, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 7) или по губернии выхода, столкновение же с быстрорастущей группой «других» из числа корейских и китайских переселенцев и иностранцев подкрепляло смысловую оппозицию официального дискурса «русские» – «жёлтые», отражаемую и позже исследуемого периода (Приморский хозяин…, 1913, с. 23, 24)

Малоросские крестьяне не испытывали лишений по культурно-языковому принципу, языковая близость и сосуществование с быстрорастущей группой великорусов в их среде с русскоязычной администрацией деактуализировало потребность в языковом обособлении сразу по двум пунктам: во-первых, это была стандартная процедура языковой гомогенизации между властью и населением (Хобсбаум, 2005, с. 51), а во-вторых, столкновение с разноязыковой и разнодиалектной средой создавало многообразие и неопределённость стратегии коммуникации между переселенцами из разных мест выхода, в связи с чем коммуникативно оправданной становится стратегия сближения с главенствующей литературной нормой (Оглезнева, 2014, с. 50). Так как это происходило в Приаумурье с большим количеством малоросских переслеенцев, аналогичные процессы были характерны и для Южно-Уссурийского края. Потому сами украиноязычные крестьяне в массе своей не интериоризировали ни категорию официального дискурса «малороссы», ни категорию национального проекта

«украинцы». Наличие же более явных «других» по целой совокупности этнографических и правовых признаков только подкрепляло восприятие общерусской идентичности.

Устойчивых или спорадических гибридных форм идентичности также в округе не складывалось из-за сочетания институционных ограничений и некоторых особенностей системы классификации в официальном дискурсе. Так, как уже отмечалось выше, определение народности происходило по родному языку, при этом ещё в переписи 1897 года фиксировалась относительная закрытость китайских переселенцев по отношению к российским крестьянам (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 19), тормозящая процесс метисации; консервативная же религиозная политика Санкт-Петербурга также до 1905 года предписывала наследственный характер предпочтений религиозного толка и запрет миссионерской деятельности (Бендин, 2006, с. 123), принятый в 1905 году указ «Об укрепление начал веротерпимости» сохранял преследование за выход из христианств (Полное собрание законов…, 1908, с. 257), что могло значительно препятствовать проповеди и переходу из одной конфессии в другую. В результате носители смешанных идентичностей оказывались невидимыми для официального дискурса, а всё-таки возникающее метисное население включалось в более широкие группы, что объясняет редкость и отсутствие смешанных или переходных групп. Однако так было не всегда: в отчёте Военного губернатора за 1895 год в отношении Анадырского округа к части народностей применяется категория «обрусевших инородцев» (РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1445, л. 9).

В то же время, несмотря на ограничения, перепись фиксирует наличие единичных случаев перехода великорусов в ислам (3 человека), буддизм (1 человек) и иную нехристианскую конфессию (1 человек), в то время как по Южно-Уссурийскому округу среди малороссов этого не обнаруживается (Первая Всеобщая перепись…, 1905, с. 80).

Заключение

Таким образом, на рубеже XIX-XX веков система классификации населения в Южно-Уссурийском крае основывалась на оппозиции «своих» («славян», или «русские») и «других» («жёлтых», или «китайцы» и «корейцы»), между которыми располагались промежуточные малочисленные группы «подданых инородцев» или «русских подданых» и «европейских иностранцев». В то же время такая категория, как «малоросс», функционировала преимущественно как внешний классификационный ярлык, отделяющий их от великорусов в интересах логики колониального управления, дополнялась и разрабатывалась с целью ускорения колонизации региона и была подкреплена трансформациями смысловых оппозиций метрополии и колонии через «Россия» – «Окраина», «Европейская Россия» – «Азиатская Россия» и «Украина» – «Уссурийский край».

Это создаёт амбивалентное состояние для малоросского населения («свои», но по языку другие). Таким состоянием в дальнейшим будут пытаться воспользоваться с целью сконструировать украинскую национальную идентичность в Южно-Уссурийском крае интеллектуалы малоросского происхождения, однако совокупность объективных факторов, в том числе наличие и реальность сконструированной группы «других», а также отсутствие дискриминационных практик по языковому признаку при удобстве перехода к русской языковой норме при коммуникации между переселенцами, препятствовали обособлению малороссов и распространению украинского национального движения в массовое сознание крестьян, несмотря на компактность проживания выходцев с малоросских губерний.

Внутреннее же самосознание оставалось гетерогенным, опиралось на традиционные формы идентификации, такие как землячество или сословие, поддерживалось смысловой оппозицией «Россия» – «Край» и противопоставлялось более явным «другим» – переселенцам из Китая, реже из Кореи. Складывание же гибридных форм конкретно у переселенцев из европейских губерний было медленным и почти незаметным из-за институционных ограничений и системы классификации населения.

Перспективы дальнейшего изучения данной темы позволяют извлечь ценный опыт конструирования и укрепления общероссийской идентичности в условиях новых территорий, тем самым учесть риски применения технологии категоризации и условия купирования для населения с украинским (присоединенных регионах) или миграционным прошлым.

Материалы исследования | Research materials

1. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 годах. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1896.
2. ГАПК – Государственный архив Приморского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33.
4. Из истории заселения Хорольского района: документы и материалы. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2014.
5. Из истории заселения Черниговского района: документы и материалы. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2005.
6. Кауфман А. А. Материалы по вопросу о колонизационной вместимости Приамурского края / репр. изд. 1901 г. СПб.: Альфарет, 2011.
7. Крюков Н. А. Труды III Хабаровского съезда. Хабаровка: Типография М. А. Тыртова, 1893.

8. Обзор Приморской области за 1914 год: приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1916.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. Т. 76: Приморская область.
10. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. 1. СПб : Государственная типография. Отд-ние 1-е = Тысяча девятьсот пятый: Отделение 1-е. От № 25605-27172 и Дополнения / 32. СПб.: Государственная типография, 1908.
11. Приморский хозяин: ежемесячный сельско-хозяйственный журнал / ред. А. В. Суханов. 1913. № 2.
12. РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1445.
13. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 99.
14. Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. / под ред. И. И. Бока / репр. изд. 1900 г. СПб.: Альфарет, 2011.
15. Хмелёв О. Н. Правда об Уссурийском крае и его обитателях / под ред. Н. А. Крюкова / репринтное издание 1899 г. СПб.: Альфарет, 2011.

Источники | References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
2. Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М.: Типография Российской академии наук, 1997.
3. Бендин А. Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки. 2006. № 9 (127).
4. Голубь А. Б. Колониальный период формирования образа Дальневосточного региона // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2015. № 4.
5. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
6. Заколодная А. С. Проекты заселения Южно-Уссурийского края и их реализация (1880-1887 гг.) // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2016. № 4 (94).
7. Оглезнева Е. А. «На Дальнем Востоке говорят правильно»: миф или реальность? // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2014. № 11.
8. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49).
9. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
10. Черномаз В. А. Украинский фактор в дальневосточной истории // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 1999. № 4.

Информация об авторах | Author information

RU **Добрицкий Алексей Павлович**[1]
[1] Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

EN **Aleksey Pavlovich Dobritskiy**[1]
[1] Far East Federal University, Vladivostok

[1] *dobritckii.apa@dvfu.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2026; опубликовано online (published online): 19.10.2026.

Ключевые слова (keywords): технология категоризации; украинская идентичность; Южно-Уссурийский край; амбивалентность категоризации; technology of categorization; Ukrainian identity; South-Ussuri Territory; ambivalence of categorization.